

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Изучение воспроизводства населения (сборник статей). «Ученые записки по статистике», т. XIV, Центральный экономико-математический институт АН СССР, М., 1968, 334 стр.

В настоящее время происходит очень знаменательный процесс «социологизации» этнографических исследований, причем внедрение в них количественных методов усиливает значимость демографических характеристик для их доказательности.

Все большее включение в круг интересов этнографов изучения городского населения, в свою очередь, заставляет наряду с классическим методом непосредственного наблюдения и личного интервьюирования информаторов переходить к использованию и массовых данных — либо получаемых в результате специально проводимого достаточно репрезентативного анкетирования, либо извлекаемых из государственной и ведомственной статистики.

Об этих общих тенденциях небесполезно вспомнить в связи с выходом сборника, название которого — «Изучение воспроизводства населения» — может показаться на первый взгляд отстоящим довольно далеко от интересов этнографии. Однако ознакомление с содержанием сборника решительно меняет это первое впечатление. И не только потому, что значительная часть его статей касается такой важной для этнографии проблемы, как изучение семьи, и что ряд статей показывает особенности воспроизводства населения в этнически различной среде отдельных районов СССР¹ или связь плодovitости с таким социально-психологическим фактором, как религиозные верования разных народов мира² — все это, так сказать, частные обстоятельства, которые могут заинтересовать этнографов только при рассмотрении тех или иных конкретных проблем этнографической науки. Нам представляется, что сборник важен прежде всего своей общей направленностью в сторону более широкого, сильно «социологизированного» понимания задач изучения населения как «социальной совокупности», в сторону привлечения внимания к «исследованию брачности, изучению развития этнических структур, миграции и социальной мобильности, измерению воспроизводства экономической структуры населения и т. п.» (стр. 5—6). «Не странно ли,— пишет в своем предисловии редактор сборника А. Г. Волков,—что, принимая за аксиому социальную обусловленность всех демографических процессов, мы тем не менее, говоря о воспроизводстве населения, имеем в виду обычно лишь биологическую его сторону?» (стр. 5).

Сборник состоит из четырех разделов. Первый озаглавлен «Теоретические вопросы демографии». Значительная часть его посвящена проблемам формулировки так называемого «закона народонаселения» при социализме (к этим статьям мы еще вернемся). В двух других статьях исследуются проблема «демографического оптимума» (А. Я. Боярский) и инструменты демографической политики, в частности поощрения рождаемости (А. Я. Кваша).

В статье А. Я. Боярского «К проблеме демографического оптимума» показана закономерность постановки вопроса об оптимальном (с точки зрения соотношения с ростом производительных сил и с уровнем материального благополучия жителей) режиме воспроизводства населения и соответственно оптимальной структуре последнего; выведены и соответствующие математические зависимости. Однако в результате анализа этих зависимостей автор приходит к выводу, что можно получить «...не точный оптимум, а только некоторую оптимальную зону. Какое значение в ее пределах предпочтительнее,— нельзя решить путем расчета» (стр. 59). Статья показывает пути сближения представления об общественном воспроизводстве материальной продукции и воспроизводстве населения. Эта статья несомненно привлечет внимание политико-экономов; возможно, что они найдут в ней и ряд дискуссионных положений. При более широком подходе к изучению населения существенно то, что статья убеждает в неправомерности рассмотрения всей проблемы оптимизации роста населения как какого-то жу-пела.

В статье А. Я. Кваша «О некоторых инструментах демографической политики» дан обстоятельный обзор мер по поощрению рождаемости, применяемых в ряде социалистических и капиталистических стран Европы; показано отставание в этом отношении нашего законодательства (в СССР только рождение седьмого ребенка дает надбавку к зарплате, превышающую в среднем 10%, в ряде же рассмотренных стран уже второй ребенок увеличивает среднюю заработную плату на 1/8—1/5, во Франции почти

¹ Таковы, в частности, статьи В. П. Пискунова и В. С. Стещенко о воспроизводстве городского населения в УССР, Н. В. Догле об особенностях рождаемости в северо-западных областях СССР, в Коми АССР и в Карельской АССР и А. М. Меркова и Н. С. Махмутзянова о воспроизводстве (смертности) населения в Башкирской АССР. Следует пожалеть, что в этих статьях особенности воспроизводства населения практически остались не связанными с этнической структурой и рассмотрены отдельных показателей в национальном разрезе отсутствует вовсе.

² Статья этнографа В. И. Козлова о влиянии религиозного фактора на плодovitость (в этой статье рассматривается влияние на рождаемость основных религий мира).

на $\frac{1}{4}$, в Югославии на $\frac{1}{3}$). Автор сделал численные прикидки соотношений содержания в СССР разного числа детей со средним заработком их матери и с прибавочным продуктом, который может быть ею создан. При всей условности, а кое в чем и нивности этих прикидок они ценны тем, что цифры, хотя бы в порядке первого приближения все же названы — ведь это единственный способ начать их обсуждение.

Второй раздел сборника озаглавлен «Методология демографических исследований»; третий — «Исследования воспроизводства населения», четвертый — «Из опыта изучения мнений о величине семьи». По существу центральной темой всех трех этих разделов является семья. Поднимаемые частные вопросы брачности женщин, протогенетических и интергенетических интервалов, региональных различий в рождаемости, влияния на плодovitость основных религий мира, значения абортoв и разводов — все это вращается вокруг широко понимаемой проблемы семьи как социальной категории. Непосредственно освещает эту проблему и цикл статей, в которых приводятся мнения о желательных размерах семьи как один из методов изучения возможностей и пределов внутрисемейного планирования.

Можно считать, что обобщенный в этих статьях опыт изучения как семьи в целом, так и отдельных существенных для характеристики семьи тематических аспектов, может быть с большой пользой учтен и использован в этнографических исследованиях. Правда, речь здесь идет почти во всех случаях лишь об СССР (исключение составляет упомянутая выше статья В. И. Козлова да отдельные сопоставительные упоминания зарубежного материала в некоторых других статьях), но методическое значение соответствующих наблюдений и выводимых зависимостей для любых этнографических исследований семьи очевидно. К тому же и потребность в подобном научном инструментарии возникает более всего при полевых работах наших этнографов, проводимых в том или ином районе СССР, или при использовании первичного массового этно-демографического материала.

Отметим некоторые положения, которые представляются нам важнейшим в этих разделах. В статье А. Г. Волкова «О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости» (в СССР) поставлена задача — «выяснить, в какой мере наблюдавшееся до сих пор сокращение коэффициента рождаемости было обусловлено изменением состава населения, в какой — изменением интенсивности деторождения» (стр. 173). Ответственность этой задачи определялась широко бытовавшими представлениями о том, что снижение общих показателей рождаемости (и естественного прироста населения) обусловлено в основном вступлением в детородный возраст малочисленных контингентов воиных годов рождения. О влиянии урбанизации, повышении участия женщин в общественном производстве и т. п. часто при этом упоминали как о второстепенных причинах и ожидали, что по мере того, как в наиболее детородные возрасты вступит последующее поколение, уровень рождаемости как бы автоматически возрастет. Расчеты А. Г. Волкова показывают, что это не так: «Основной причиной снижения коэффициента рождаемости были не структурные изменения, вызванные войной, а падение брачной плодovitости, т. е. интенсивности деторождения в семьях, причем в городе оно сказалось в большей степени, чем в селе» (стр. 179). Малочисленность же контингента матерей воиных лет рождения, по мнению автора, играла «роль далеко не определяющую, даже, можно сказать, второстепенную» (стр. 182).

В. И. Козлов в статье «О влиянии религиозного фактора на плодovitость» показал на широком как географическом, так и историческом фоне влияние социально-психологических факторов религиозных верований на плодovitость. Хорошо известные этнографам морально-религиозные воззрения отдельных народов мира и даже отдельных их этнографических групп в его статье выразительно сопоставлены; при этом учтена та социальная и экономическая обстановка, в которой соответствующие тенденции сложились или консервируются. Так, автор отмечает, что «традиция ранних браков опирается на низкий уровень производительных сил... Отсталое сельское хозяйство, в котором занята здесь (в странах ислама и индуизма.— В. П.) подавляющая масса населения, не требует... сколько-нибудь длительного производственного обучения или специального образования. Поэтому стремление к ранним бракам можно объяснить желанием скорее получить добавочную пару рабочих рук» (стр. 205). Вместе с тем В. И. Козлов правильно указывает, что с течением времени другие факторы (например, уровень образованности) начинают отодвигать непосредственное влияние религиозных воззрений на плодovitость на второе место; однако, превратившись в народную традицию, они все же «продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое» (стр. 206); это видно и на примере ряда народов СССР.

В статье «Воспроизводство городского населения Украинской ССР» В. П. Пискунов и В. С. Стещенко показали такую важную сторону урбанизации, как «все усиливающее влияние города на все стороны жизни сельского населения. Современная урбанизация... характеризуется не только темпами роста городского населения вообще, но и быстрым распространением влияния города на демографические процессы в селах» (стр. 244). Отмечено, что миграции в города создают здесь (особенно в крупных городах) намного меньшую «нагрузку» нетрудоспособных возрастов на работающее население, чем в селах (по УССР в целом в селах эта нагрузка была на 44% выше, чем в городах, стр. 243).

Среди статей, обобщающих опыт изучения мнений о желательной величине семей, наиболее интересной в методическом отношении представляется очерк Г. П. Киселевой

«Из опыта конкретного социально-демографического обследования» (сельская местность Окуловского района Новгородской области).

Анкетирование умело сочеталось здесь с получением сведений в централизованном порядке; показан и принцип выборки деревень (всего их было отобрано 36). А. А. Петраков в аналогичной статье по Удмуртии «Фактическое и желаемое число детей» попытался учесть влияние этнического фактора на соотношения фактического и желаемого числа детей в русских и удмуртских семьях, но почти полное тождество показателей побудило его отказаться от учета этнического разреза. Выполненное в Удмуртии обследование отличается хорошей массивностью (6264 горожанки и 2707 сельских жительниц), причем разработка осуществлялась вручную.

Несколько разочаровывают две статьи (М. В. Курмана «Замечания об учете разводов» и Е. М. Моревой «Влияние порядка регистрации развода на показатели разводимости»), посвященные такой важной стороне изучения жизни семьи, как разводы. В обоих случаях внимание сосредоточено на недостатках статистического учета разводов. Авторы вовсе проходят мимо тех очень сильно влияющих и на сами разводы, и на их оформление житейских обстоятельств, которые связаны с разделом, обменом или получением жилой площади, с решением вопросов об оставлении ребенка у одного из супругов, об имущественных претензиях и т. п.; их интересует только несоответствие юридической и учетной стороны дела, и это снижает социологическое значение статей.

Мы видели, что несмотря на известную простоту сборника темы уровня рождаемости и размеров и структуры семей звучат в нем сильнее всего. По существу вокруг общих вопросов динамики населения сосредоточено внимание и тех авторов первого раздела, которые посвятили свои статьи теоретическому представлению о «законе народонаселения» социалистического общества.

Хотя статьи эти выдвинуты в сборнике на первое место, трудно признать их наиболее ценными. Конечно, в поисках формулировок этого закона оказались и счастливые находки, и неудачи; но в целом все три рассматриваемые статьи (Я. Н. Гузеватого, Г. М. Коростелева и И. В. Дзасаровой) в основном повторяют уже не раз высказанные в литературе мысли. Следует согласиться с критикой стремления при формулировке «закона народонаселения социалистического общества» поглотить все возможные закономерности в экономической формуле (с такой попыткой выступал, например, Н. С. Есипов). Вряд ли правомерна и «попытка включить в сферу действия экономического закона народонаселения социализма демографические показатели» (Я. Н. Гузеватый, стр. 15). Вернее, конечно, признать, что выдвигавшиеся формулировки экономических аспектов не исключают наличия имеющих собственную обусловленность демографических черт; более того: вероятно, можно было бы говорить, скажем, и об особых закономерностях расселения, о специфических свойственных социалистическим странам взаимоотношениях между нациями и этническими общностями и т. д.

Надо согласиться, что «все многообразие сложных и противоречивых процессов воспроизводства нельзя свести к одному закону» (И. В. Дзасарова, стр. 46). При этом «нельзя установить прямую зависимость, например, между общественной собственностью на средства производства и рождаемостью, или между социалистической демократией и уровнем смертности» (Г. М. Коростелев, стр. 26). Прав и Я. Н. Гузеватый, заявляя, что «постулат о высокой рождаемости и расширенном воспроизводстве населения социалистических стран в действительности не получает подтверждения» (стр. 13) и что неправомечно «при формулировании... закона (воспроизводства населения при социализме.— В. П.)... отождествлять (его) с конкретными социально-экономическими явлениями в Советском Союзе, а также в других социалистических странах, находящихся на самых различных этапах коммунистического строительства» (стр. 13).

Я. Н. Гузеватый и Г. М. Коростелев дают (каждый свою) формулировку «низкого» закона (И. В. Дзасарова отнеслась к этой задаче более скептически). Обе формулировки не кажутся наилучшими даже в рамках задач, поставленных их авторами. В первом случае, когда упор сделан на чисто экономическую сторону дела, формулировка, на наш взгляд, надуманно придана редакция, как бы «копирующая наоборот» известный закон Маркса (см. стр. 13 и 15 сборника); во втором случае упор сделан на благоденствие населения, здесь формулировка (стр. 34) настолько обтекаемо-выхлощена, что оказывается по своей малой содержательности в явном противоречии со многими интересными положениями самой статьи Г. М. Коростелева.

В целом следует оценить сборник, и особенно занявшие в нем центральное место статьи о семье и механизме рождаемости, вполне положительно. Правда, следует пожалеть, что заявления его редактора о желательности трактовать проблемы воспроизводства в более широком, «социологизированном» плане, чем это под силу одной лишь демографии, остались пока в большой мере декларацией; в частности, лишь одна статья В. И. Козлова построена на социально-этнографической базе. Но преобладание в сборнике демографических статей (которые тем не менее дают много ценного и для социологов, и для этнографов, и для географов, изучающих население), объективно отражает сложившееся состояние исследований проблем воспроизводства населения в рамках разных научных дисциплин.

В частности, несомненно, что более значительным мог бы быть вклад в изучение этих проблем и со стороны этнографии.

Свойственные ей методы непосредственного наблюдения и интервьюирования, учет

традиций и особенностей народного быта, рассмотренного в его социальной «стратификации», могли бы пролить свет на многие достаточно интимные процессы, происходящие в семейных «ячейках» общества: раскрыть мотивы ускорения или, наоборот, откладывания браков, стремления либо скупо планировать, либо неограниченно увеличивать число детей, осуществлять разводы и т. п., — которые ускользают при учете лишь демографических показателей. И очевидно, что актуальность проблем воспроизводства населения сделала бы вполне обоснованным расширение фронта соответствующих исследований, которые можно было бы определить как «социально-этно-демографические».

В. В. Покшишевский

НАРОДЫ СССР

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IV, 1968, 234 стр. («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 94)

Рецензируемый выпуск (ответственный редактор Р. С. Липец) продолжает серию, начатую в 1956 г., и в соответствии с ее целью содержит статьи, посвященные характеристике отдельных ученых, обществ, научных направлений и периодов в русской этнографии, фольклористике и антропологии. Хронологически этот том в основном посвящен периоду с конца XIX в. по 20-е годы XX в. включительно. По составу книга явственно распадается на три раздела, характеризующие развитие этнографии, фольклористики и антропологии. Ей предпослано небольшое введение, достаточно полно ориентирующее читателя в содержании. В этом введении есть лишь одна спорная мысль: редакция полагает, что многие основанные на неопубликованных материалах статьи получают из-за этого «значение первоисточника». На самом деле, конечно, ни одна, даже самая мотивированная и богатая цитатами статья не может заменить собою первоисточника, обращение к которому — залог успеха научной работы.

Статья В. Е. Гусева, открывающая сборник, освещает важные и неразработанные вопросы становления марксистской методологии в русской этнографической науке. Появление в свет этой статьи в наши дни — явление знаменательное. Историки, занимающиеся самыми различными периодами и отраслями науки, усиленно разрабатывают в настоящее время вопросы формирования марксистского мировоззрения в России. Это связано и с тем огромным интересом, который пробудился к этой тематике в связи с празднованием столетия со дня рождения В. И. Ленина. Анализ проблем этнографии в «Научном обозрении» 1894—1903 гг. позволил В. Е. Гусеву осветить один из важных моментов в формировании марксистской этнографии и тем самым внести весомый вклад в историю этнографической науки. Помещение подобной статьи в сборнике — большая заслуга редакции. Методология исследования лишь в самое последнее время начала привлекать внимание историков науки, и публикация такой статьи, надо полагать, может дать толчок к другим работам подобного же рода.

Вслед за проблемно-методологической статьей В. Е. Гусева, которую редакция совершенно справедливо поставила на первое место, следует серия статей, раскрывающих отдельные малоизученные вопросы истории этнографии, устранивающих некоторые «белые пятна», вносящих коррективы в представление о деятельности тех или иных научных учреждений, объединений, ученых или общественных деятелей. Семь статей, расположенных в хронологическом порядке, дают яркую картину развития русской и советской этнографической науки в переломный период начала XX в., когда на смену дореволюционной этнографической науке приходила советская этнография с новыми методологическими установками и новой методикой полевых исследований.

Первая из этих работ — статья З. И. Власовой — суммирует наши сведения об интересе В. Г. Короленко к этнографии и фольклору и показывает, какое общественное значение приобрел этот интерес (на примере известного «мултанского дела»). Статья неудачно названа «Этнографическая деятельность В. Г. Короленко и ее общественное значение» — на самом деле речь идет о деятельности В. Г. Короленко как писателя, публициста, общественного деятеля и т. д., но отнюдь не как этнографа-специалиста. Тем не менее анализ общественно-политической, публицистической и художественной деятельности В. Г. Короленко, несомненно, важен для оценки истории русской этнографии данного периода.

Вызывает также возражение и характеристика З. И. Власовой 1880-х—1890-х годов как «периода наиболее интенсивной творческой деятельности писателя» (стр. 13). Как раз в последующие годы им были созданы крупнейшие художественные произведения («История моего современника», уральские, крымские и румынские очерки). Очень большое общественно-политическое звучание имели его выступления в защиту крестьян Полтавской губернии — участников аграрных выступлений в канун революции